

DOI 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-50-62

УДК 069.02:39

Ольга Борисовна Степанова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2130-2695
E-mail: stepanova67@mail.ru

**Селькупское поле 1925–1928 гг.
в судьбе Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых:
по материалам фотоколлекции МАЭ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию нового источника в изучении биографии Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны Прокофьевых — фотоколлекции МАЭ И 1177, собранной Г. Н. Прокофьевым во время совместной с Е. Д. Прокофьевой работы среди селькупов в поселке Янов Стан Тазовского района Туруханского края в 1925–1928 гг. В качестве источника изучения деятельности Прокофьевых эту коллекцию еще никто не рассматривал, в чем проявляется актуальность исследования и его значение для науки. Коллекция визуализирует селькупское поле Прокофьевых и дает наглядное представление об условиях, в которых проходила работа ученых: кадры коллекции отражают богатую традиционную материальную и духовную культуру северных селькупов, еще почти не тронутую советскими преобразованиями, будни первой национальной школы района и в лицах саму советскую власть, только приступившую к изменению селькупского быта. Снимки коллекции рассказывают об истоках научной специализации Прокофьевых, обозначают круг проблем и вопросов, которые предопределили ее тематику, и иллюстрируют все «селькупские» труды ученых. Анализ даты и истории регистрации коллекции дает дополнительные сведения к описанию пройденного Прокофьевыми научного пути: исследование рассматривает несколько спорных вопросов, содержащихся в жизнеописаниях Прокофьевых, и формулирует свои ответы на них. Оценивается вклад, который внесли в селькуповедение Георгий Николаевич и Екатерина Дмитриевна — вместе и по отдельности, и отслеживаются этапы становления каждого из ученых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы, научная биография, фотоколлекция МАЭ, северные селькупы, полевая работа, селькуповедение, оценка научного вклада

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанова О. Б. Селькупское поле 1925–1928 гг. в судьбе Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых: по материалам фотоколлекции МАЭ. *Кунсткамера*. 2021. 2(12): 50–62. doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-50-62

Olga Stepanova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2130-2695
E-mail: stepanova67@mail.ru

**Selkup Field 1925–1928
in the Fate of Georgy N. and Ekaterina D. Prokofiev:
According to the Materials from the MAE Photo Collection**

ABSTRACT. The article explores a new source on the biography of Georgy Nikolaevich and Ekaterina Dmitrievna Prokofiev, i.e. photo collection MAE I 1177, which was collected by Georgy Prokofiev during his and Ekaterina Prokofieva's work among the Selkups in the Yanov Stan village of the Tazovsky District of the Turukhansk Region in 1925–1928. The article provides a novel perspective, since nobody has looked so far into this collection as a source of insights into the Prokofievs' activities. The collection visualizes the Selkup field of the Prokofievs and gives a clear idea of the conditions in which the work of scholars took place: the photographs from the collection reflect the rich traditional material and spiritual culture of the northern Selkups, still almost untouched by the Soviet transformations, the everyday life of the first nationality school of the region, and the faces of the Soviet power, which had just started changing Selkup traditional mode of life. The photographs tell about the origins of the Prokofievs' academic background, indicate the range of problems and issues that predetermined the collection's focus, and illustrate all the "Selkup" works of the scholars. The article assesses the Prokofievs' contributions to Selkup Studies, made together and separately, and traces the stages of the academic development of each of the scholars.

KEYWORDS: G. N. and E. D. Prokofiev, academic biography, photo collection of the MAE, northern Selkups, field work, Selkup Studies, assessment of scholarly contributions

FOR CITATION: Stepanova O. Selkup Field 1925–1928 in the Fate of Georgy N. and Ekaterina D. Prokofiev: According to the Materials from the MAE Photo Collection. *Kunstkamera*. 2021. 2(12): 50–62. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-50-62

Имена Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны Прокофьевых — одни из наиболее известных в истории отечественной этнографии. Их жизненный путь неплохо изучен, о каждом из Прокофьевых имеется ряд биографических работ (см., например: Решетов 1979; Омельчук 1982; Гаген-Торн 1992; Хомич 1983; 1999; 2002; 2004; Арзютов 2016; Кисель 2011). Поскольку авторы этих работ в большинстве своем были лично знакомы с кем-то из супругов, их родственниками (детьми) или близко знавшими их коллегами, работы отличаются информативной наполненностью и детальностью, что придает им особую научную ценность. Помимо сведений «из первых уст», биографы Прокофьевых опираются на архивные документы, материалы музейного хранения (кадры снятой Г. Н. Прокофьевым кинохроники) и опубликованные работы ученых. Вместе с тем в биографиях ученых остаются лакуны, заполнить которые поможет изучение новых источников.

Данное исследование основывается на фотографиях, сделанных Г. Н. Прокофьевым во время работы среди селькупов в 1925–1928 гг. В 1948 г. они были зарегистрированы Е. Д. Прокофьевой в коллекцию МАЭ И 1177 иллюстративного фонда МАЭ. Ни один из биографов Прокофьевых не упоминал и, следовательно, не использовал эту коллекцию в качестве источника. На фотоснимках коллекции нет самих Прокофьевых, снимки фиксируют селькупский традиционный быт и нововведения, которые пришли к селькупам с установлением советской власти. Тем не менее коллекция служит иллюстрацией к научному пути каждого из Прокофьевых, так как то, что было сделано и собрано ими в тот период у селькупов, определило основную — селькупскую — тематику их научной работы, которой они оставались верны до конца своих дней. Исходя из научных и служебных интересов Прокофьевы не раз переключались на изучение других народов (Г. Н. — ненцев, энцев, нганасанов; Е. Д. — ненцев, энцев, тувинцев и др.), но в своих работах всегда снова возвращались к селькупам и в историю науки вошли в первую очередь как основатели селькуповедения.

В задачи исследования входит рассмотреть, как фотоколлекция МАЭ отражает жизненный путь Прокофьевых, какие перспективы открыло им селькупское поле 1925–1928 гг., какая тематика преобладала в прокофьевских селькупских исследованиях и чем была обусловлена, что было сделано для селькуповедения каждым из ученых. В рамках данных задач автор планирует изучить некоторые существующие в среде североведов спорные мнения, зафиксированные в названных биографических статьях. Согласно первому, Г. Н. Прокофьев занимался лингвистикой в ущерб этнографии (Гаген-Торн 1992: 91–92). Согласно второму (изложенному в форме антитезиса), Е. Д. Прокофьева во время пребывания у селькупов не выполняла ни научной, ни преподавательской работы, а лишь нянчила детей и отвечала за семейный быт, селькупский язык при этом она выучила автоматически, находясь в среде носителей этого языка (Гаген-Торн 1992: 102, 109; Омельчук 1982: 52, 65, 96). Еще один острый вопрос, поставленный А. Омельчуком и Д. В. Арзютовым, — как Г. Н. Прокофьев относился к советским новшествам, пришедшим в тайгу и тундру к народам Севера (Омельчук 1982: 43; Арзютов 2016: 191, 202). В качестве вспомогательных материалов к исследованию, кроме названных биографических статей, привлекались архивные данные (дневники и рукописи Прокофьевых), опубликованные работы исследователей, а также вещевые коллекции, собранные ими для МАЭ.

Прежде чем приступить к анализу материалов фотоколлекции, важно знать предысторию появления селькупов в жизни Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны. Подготовка Г. Н. Прокофьева к встрече с селькупам началась в 1919 г., когда он, отдав год изучению языков на историко-филологическом факультете Петроградского университета, перевелся на отделение этнографии недавно созданного Петроградского географического института, где преподавали Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз — крупнейшие ученые, стоявшие у истоков российской этнографии¹.

¹ На одной студенческой скамье с Прокофьевым (в разные годы) сидели Н. П. Дыренкова, Е. П. Крейнович, Г. М. Василевич, Л. П. Потапов, С. В. Иванов — впоследствии известные этнографы-сибиреведы, отделение этнографии Географического института — детище Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз — кovalo кадры ученых-сибиреведов высшей пробы.

Первый опыт изучения языков и культуры народов Севера Прокофьев приобрел в 1921 г., когда совершил в составе Обского отряда Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ поездку к обским ненцам.

В том же 1921 г. Прокофьев познакомился с 19-летней Екатериной Боровковой, которая занималась на семинаре у Л. Я. Штернберга. Вскоре она стала женой Георгия Николаевича. В конце 1924 г. у Прокофьевых родилась дочь, после чего Екатерина Дмитриевна прекратила занятия в институте (Омельчук 1982: 45).

В 1925 г. Георгию Николаевичу предстояло дипломироваться, но прежде он должен был пройти практику по специальности. Комитет Севера, членом президиума которого был В. Г. Богораз, предложил ему ехать в г. Туруханск, где требовался учитель. 29 июня 1925 г. Прокофьеву выдали командировочное удостоверение сроком действия до 1 ноября. Помимо преподавания, Комитет Севера поставил перед ним задачу изучения быта и экономического состояния енисейцев (кетов). Екатерина Дмитриевна решила ехать вместе с мужем и взяла с собой восьмимесячную дочь.

Вскоре по прибытию в Туруханск Прокофьев получил от Туруханского отдела народного образования предложение возглавить только что открывшуюся в поселке Янов Стан, расположенном в верховьях р. Турухан, первую в районе национальную школу-интернат. Янов Стан был местом очень привлекательным для этнографа, в его окрестностях проживали почти не изученные остяк-самоеды (селькупы), за товарами на факторию (образовавшую поселок) заезжали тунгусы, кеты, ненцы и энцы. Заручившись поддержкой жены, Прокофьев ответил на предложение отдела наробразом согласием. 5 сентября он подписал контракт сроком на три года. Прибыли Прокофьевы в Янов Стан — «центр Тазовской тундры» — 15 октября.

Предыстория яновстановского периода биографии Прокофьевых изложена здесь не только потому, что этот период находится в фокусе изучения, и не лишь для ознакомления с исходными данными. Она содержит факты о жизни Прокофьевых, которые в качестве дополнительных сведений вкупе с материалами фотоколлекции далее будут формулировать ответы на вопросы, стоящие в задачах исследования. Эти факты следует подчеркнуть: на начало яновстановского бытия Г. Н. Прокофьев имел блестящую этнографическую и лингвистическую образовательную подготовку, а также некоторый опыт полевых исследований по специальности среди народов Севера. Е. Д. Прокофьева прибыла в Янов Стан с маленьким ребенком и незаконченным высшим образованием (насколько оно было не закончено, сказать трудно, сведений, чтобы об этом судить, не сохранилось). Путевку на работу в Туруханске и предложение о работе в яновстановской школе-интернате получил Прокофьев, а не Прокофьева. Екатерина Дмитриевна поехала в Янов Стан в статусе жены Георгия Николаевича.

Источник, на котором основано исследование — иллюстративная коллекция МАЭ И 1177. В ее состав входит 131 фотография, отпечатанная со стеклянных негативов, хранящихся отдельно в негативке МАЭ РАН. В 2019–2020 гг. негативы были оцифрованы и в виде электронных фотографий выложены на официальном сайте музея. Вся коллекция была отснята Г. Н. Прокофьевым в одном месте — Туруханском районе — и в одно время — 1925–1928 гг., более точно ее кадры не датируются. Коллекционную опись делала Е. Д. Прокофьева, регистрируя коллекцию в 1947–1948 гг.

В этих паспортных данных коллекции сразу же цепляет взгляд и вызывает вопросы очень поздняя дата регистрации — спустя почти 20 лет после собирания. Какие у этой задержки с регистрацией были причины, что помешало Прокофьевым зарегистрировать коллекцию раньше? В рамках задач исследования представляется важным до проведения анализа собственно материалов коллекции объяснить, как в дате ее регистрации отразились события жизни Прокофьевых. Думается, рассмотрение вопросов, связанных с регистрацией коллекции, приведет к полезным для исследования выводам.

Сразу по возвращению из селькупского поля в 1929 г. Прокофьев сдал в музей вещевую коллекцию (№ 3871) из Янова Стана, включавшую комплекс предметов селькупского шаманского

костюма. Вероятно, в глазах Г. Н. Прокофьева иллюстративная и вещевая коллекции были неравноценны по значимости, и он не видел необходимости срочно сдавать в музей фотоколлекцию².

Возможно также, что Прокофьевым было просто некогда заниматься фотоколлекцией. Следует подробно рассмотреть период жизни Прокофьевых между селькупским полем и регистрацией фотоколлекции.

По возвращению из Янова Стана Г. Н. Прокофьев защищал диплом, работал в Институте по изучению народов СССР, Педагогическом институте им. А. И. Герцена³, читал лекции в Институте народов Севера, ездил в новые длительные экспедиции — в Ненецкий национальный округ (апрель 1929 — сентябрь 1930 г., лето 1931 г.), в низовья Енисея к энцам и нганасанам (зимой 1933 г., по другим данным, с мая по октябрь 1933 г., или летом 1935 г.). Очевидно, что на этом этапе ему было не до регистрации яновстановских материалов. 1 октября 1938 г. Г. Н. Прокофьев был принят на работу в МАЭ⁴ (тогда он официально назывался Институт этнографии АН СССР) на должность заведующего кабинетом Сибири, а с апреля 1940 г. — заведующего сектором Сибири. Работая здесь до смерти в блокаду в январе 1942 г., Георгий Николаевич также был очень загружен делами. В этот период кроме МАЭ он работал в нескольких местах — в Институте языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра, Институте народов Севера, на филфаке ЛГУ по кафедре этнографии. Он преподавал (был профессором с 1935 г.), заведовал отделами, группами и секциями, руководил аспирантами, выпускал учебники для детей северных народов, писал статьи, диссертацию, делал доклады на конференциях и совещаниях, готовил к изданию коллективные труды и т.д. В это время Георгий Николаевич уже считался признанным ученым, от которого все ждали больших научных прорывов, и был, что называется, нарасхват.

Екатерину Дмитриевну приняли на работу в МАЭ только в 1944 г., по возвращению из эвакуации. Темп ее довоенной жизни был не менее интенсивным, чем у ее мужа. В 1929–1931 гг. вместе с Г. Н. Прокофьевым она работала на культбазе Хоседа-Хард в Большеземельской тундре Ненецкого национального округа⁵, по возвращении в Ленинград преподавала селькупский язык в Институте народов Севера (1932–1933), ЛГУ и Педагогическом институте им. А. И. Герцена (1934–1936), по заданию Комитета нового алфавита ездила в длительную экспедицию к нарымским селькупам (1932–1933), участвовала в издании букварей, книг для чтения и учебников на языках северных народов, помогала в работе мужу, в 1934, 1935 и 1937 гг. родила еще троих детей. По данным А. М. Решетова, в 1930-е годы Е. Д. Прокофьева подготовила монографию по селькупскому фольклору, которая пропала во время блокады (сохранились только отдельные главы) (Решетов 1979: 188). С 1938 г. по июль 1942 г. Екатерина Дмитриевна официально нигде не работала по семейным обстоятельствам. Вопросы, чем она тогда занималась, после всего перечисленного даже не возникает. Наоборот, непонятно другое — как Прокофьевы справлялись с тем грузом дел и обязанностей, который на себя взвалили.

Таким образом, в дате своей запоздалой регистрации фотоколлекция МАЭ И 1177 отражает самый, пожалуй, интенсивный, до отказа заполненный работой и событиями период жизни Прокофьевых — между возвращением из Янова Стана и войной. Биографические данные

² Может быть, тут сыграл свою роль материальный фактор. Способ приобретения музеем у Г. Н. Прокофьева вещевой коллекции с шаманским костюмом — продажа. Продавая коллекцию, Г. Н. Прокофьев окупал свои расходы по ее приобретению и возвращал деньги в семью, которая в них определенно нуждалась: в 1927 г. в Яновом Стане у Прокофьевых родился второй ребенок. В денежном выражении шаманский костюм и другие уникальные вещи селькупской культуры стоили намного дороже фотографий.

³ Из обоих институтов его уволили в 1937 г. по обвинению в проведении «буржуазно-националистических установок в языковом строительстве Крайнего Севера», обвинение было снято через 11 (по другим данным, через 6) месяцев.

⁴ При этом Прокофьевы имели давнюю и тесную связь с музеем, которую подтверждают работа в МАЭ Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза — научных наставников Прокофьевых — и ряда прокофьевских однокашников, а также сданная Прокофьевым в музей в 1929 г. яновстановская вещевая коллекция.

⁵ Здесь Екатерина Дмитриевна работала одновременно помощником краеведа, заведующей пунктом ликвидации безграмотности и заведующей детским домом.

Прокофьевых этого периода также дают представление о том, какие перспективы научной деятельности открыло перед Прокофьевыми селькупское поле.

Для Е. Д. Прокофьевой регистрация коллекции, выполненная ею вскоре после принятия на работу в МАЭ, ознаменовала новый этап деятельности. Она начала расшифровывать и переписывать дневники Георгия Николаевича, обрабатывать его полевые материалы — приводить в порядок общий с мужем архив или, точнее, то, что от него осталось. Часть самых важных документов архива Прокофьевы сожгли в 1937 г., когда над Георгием Николаевичем нависла угроза ареста (Кисель 2011: 15), другая часть, включавшая докторскую диссертацию Г. Н. Прокофьева, сгорела вместе с их домом в Озерках после попадания в него бомбы во время артобстрела.

Фотоколлекция из Янова Стана определенно была среди уцелевших документов архива Г. Н. Прокофьева, которые смогли сохраниться благодаря тому, что находились у него на работе или где-то на стороне, у третьих лиц. О том, что прокофьевская фотоколлекция хранилась у какого-то третьего лица, говорит загадочная история поступления ее в МАЭ, отраженная в учетной документации. Согласно коллекционной описи и записи в Книге поступлений музея, музей купил ее в 1946 г. у некой К. И. Байковой. Кем была «гр-ка Байкова», хранительские документы умалчивают⁶.

В 1949 г., по сведениям архива МАЭ РАН, Е. Д. Прокофьева подготовила кандидатскую диссертацию «Селькупский фольклор» объемом 20 а.л. Работа дважды обсуждалась на секторе в Ленинградском и Московском отделениях института и была одобрена к защите, но сама автор не сочла ее готовой и постоянно возвращалась к ней в дальнейшие годы, так и не закончив (АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Предисловие. Сост. И. К. Жуковская. Л. 5). По данным А. Омельчука, когда Е. Д. Прокофьева после войны готова была защищать кандидатскую диссертацию, «кто-то вспомнил, что соискательница-то не дипломирована»: она уехала с мужем в Янов Стан, не закончив вузовского курса. Журналист пишет, что «к тому времени Екатерина Дмитриевна уже была одним из ведущих исследователей-селькуповедов» (Омельчук 1982: 96).

Автор считает, что Екатерина Дмитриевна действительно была высококвалифицированным этнографом, но стала им позже, не до и не сразу после войны, и что ее профессиональный рост как этнографа был связан с обработкой архива Георгия Николаевича. В Яновом Стане Екатерина Дмитриевна не вела полевого дневника и не сформировала своего архива этнографических записей⁷. Думается, что Н. И. Гаген-Торн очень точно охарактеризовала работу Прокофьевых в Яновом Стане: «Георгий Николаевич методически записывает. Катя смотрит и слушает». И еще ее же совершенно справедливые слова о Екатерине Дмитриевне: «Оказалось — это была не “семья, сопровождавшая ученого”, а второй наблюдательный и трудолюбивый этнограф» (Гаген-Торн 1992: 109). К этому следует добавить: начинающий этнограф. Стать ведущим этнографом Екатерине Дмитриевне предстояло намного позже мужа. В яновстановский период ее научные заслуги — выученный в совершенстве селькупский язык, наблюдение за работой мужа и погружение в селькупский быт и селькупскую культуру.

Знание языка и культуры — это то, без чего была бы невозможна проводимая Е. Д. Прокофьевой после войны обработка этнографического архива Георгия Николаевича. Начальным результатом этой работы стала вышедшая в 1949 г. первая крупная этнографическая статья Е. Д. Прокофьевой «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана», получившая впоследствии широкую известность и часто цитируемая. В основу статьи легли сделанные Георгием Николаевичем описание яновстановской вещевого коллекции с селькупским шаманским костюмом, кадры изучаемой здесь фотоколлекции МАЭ И 1177, данные из полевых дневников Г. Н. Прокофьева, хранящихся в архиве

⁶ У той же Байковой в 1946 г. была куплена и другая коллекция стеклянных негативов Г. Н. Прокофьева, снятая им в середине 1930-х годов в низовьях Енисея. После регистрации, проведенной Е. Д. Прокофьевой, она получила номер МАЭ И 1210. То есть обе фотоколлекции Г. Н. Прокофьева, которыми обладает МАЭ — других нет — попали в музей одинаково — через К. И. Байкову. Пока загадка ее личности остается неразгаданной.

⁷ Селькупские фольклорные тексты, с которыми Е. Д. Прокофьева работала при подготовке диссертации по селькупскому фольклору, были записаны главным образом Г. Н. Прокофьевым и его ученицей Л. А. Варковицкой.

МАЭ РАН, а также некоторые собственные материалы Екатерины Дмитриевны (ее собственными материалами можно с уверенностью считать только те, которые она собрала у нарымских селькупов, их в статье совсем немного)⁸.

Таким вот образом время регистрации коллекции МАЭ И 1177 и сама регистрация как часть процесса обработки Екатериной Дмитриевной материалов Георгия Николаевича обнаружили косвенную, но при этом очень тесную связь с биографией ученых. Исследование этой связи (с привлечением дополнительных сведений) позволило сделать ряд важных выводов относительно профессиональной деятельности ученых. Отрезок жизни от возвращения из Янова Стана до войны прошел у Прокофьевых в сумасшедшем рабочем ритме — зарегистрировать фотоколлекцию в фонды МАЭ тогда им было совершенно некогда. В этот период Георгий Николаевич из молодого ученого, подающего большие надежды, превратился в крупного специалиста по самодийским народам, двигавшего вперед отечественную науку. После войны для Екатерины Дмитриевны наступил этап обработки материалов Георгия Николаевича, начавшийся в том числе с регистрации фотоколлекции в фонды МАЭ, в ходе которого и благодаря которому произошло становление Прокофьевой как самостоятельного высокопрофессионального ученого-этнографа.

Далее рассмотрим, какие моменты деятельности Прокофьевых отразили непосредственно материалы коллекции: какие тематические акценты имеются в материалах, сколько фотографий коллекции использовалось в прокофьевских публикациях, о чем говорят отдельные ее кадры. Первая тема, которая будет рассмотрена — шаманская, она представлена самым объемным количеством фотографий и больше остальных эксплуатировалась Е. Д. Прокофьевой в ее работах.

В вышеупомянутую статью Е. Д. Прокофьевой «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана» из коллекции МАЭ И 1177 вошли три фотографии: портрет шамана Максима Безруких в шаманском облачении (Прокофьева 1949: 343, рис. 4)⁹, фото бубна и колотушки шамана Андрея Безруких МАЭ И 1177-20 (Прокофьева 1949: 353, рис. 17) и фото шаманской землянки с тремя священными деревьями МАЭ И 1177-21 (Прокофьева 1949: 373, рис. 37). Статья содержит подробные сведения об изображенных на них объектах. В коллекции имеется еще несколько неопубликованных снимков Максима Безруких, где он, одетый в полный шаманский костюм, стоит в разных позах (МАЭ И 1177-19, 22, 23) и проводит сеанс шаманского камлания (МАЭ И 1177-24, 25, 26). Сведения из статьи служат паспортом и к этим снимкам.

На фото МАЭ И 1177-1 можно видеть, как выглядел известный по нескольким статьям Е. Д. Прокофьевой легендарный шаман Тама-ира — «Мышь-старик». Снимки МАЭ И 1177-48 и И 1177-49 показывают, каким был один из главных, судя по частоте упоминания в материалах, информантов Георгия Николаевича мальчик-подросток Лыпа («Темный») Кусамин, сын шамана. Георгий Николаевич называл его «сплошная этнография» (Гаген-Торн 1992: 103). На фото МАЭ И 1177-6, 54 запечатлен шаман Лука Кагалев, в кадре МАЭ И 1177-4 — шаман, имя которого в описи не называется.

⁸ Все последующие статьи Е. Д. Прокофьевой — по мировоззрению селькупов, энецкому шаманскому костюму, религиозным представлениям энцев, шаманским бубнам и шаманским костюмам народов Сибири (список основных работ Е. Д. Прокофьевой см.: Хомич 2004: 51) — также содержат большое количество материалов Г. Н. Прокофьева, в «селькупских» статьях много повторов, кочующих из работы в работу. Но к несомненным заслугам Е. Д. Прокофьевой можно отнести то, что она свободно ориентируется в материале по мировоззрению селькупов, энцев, ненцев и других народов Сибири, удачно подбирает форму изложения темы, органично добавляет в статьи сведения из своих экспедиций, причем так органично, что часто невозможно ответить точно, чей это материал — ее или Георгия Николаевича. Профессиональный рост этнографа Е. Д. Прокофьевой нельзя не признать, только с его датировкой остаются вопросы. А. М. Решетов считает, что первой зрелой («фундаментальной») этнографической статьей Е. Д. Прокофьевой была статья «Социальная организация селькупов», вышедшая в 1952 г. (Решетов 1979: 188).

⁹ Фото или рисунки остальных элементов шаманского костюма Максима Безруких из коллекции МАЭ РАН, размещенные в статье «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана», были сделаны уже в МАЭ РАН специально для этой публикации.

Нужно заметить, что в статье по костюму селькупских шаманов есть фото парки большого туруханского шамана Карлушки Иры (Прокофьева 1949: 367, рис. 29), но его нет среди кадров фотоколлекции, как нет там и фото самого Карлушки. По логике вещей, эти фото там должны быть. Их отсутствие говорит о том, что в коллекцию МАЭ И 1177 вошли не все фотографии, сделанные в Яновом Стане. В этом заключается еще одна загадка истории поступления коллекции в музей и ее регистрации.

На трех фотографиях коллекции (МАЭ И 1177-16–18) запечатлены два рисунка селькупских шаманов, отображающих представления селькупов о вселенной. Всего для Г. Н. Прокофьева селькупы нарисовали пять таких рисунков, из которых в 1953 г. была сформирована предметная коллекция № 6361, зарегистрированная Екатериной Дмитриевной. В 1961 г. у Прокофьевой вышла знаменитая статья «Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов)», в основу которой лег текст описи этой коллекции. В записке, приложенной к описанию коллекции, говорится, что Г. Н. Прокофьевым на рисунках были сделаны «надписи на селькупском языке». То есть эта статья, по-видимому, также стала результатом обработки Е. Д. Прокофьевой материалов и записей мужа. В той же записке было указано, что рисунок 1 выполнен тазовским селькупом Саввой Агичевым, 19 лет, рисунок 2 — баишенским селькупом Николаем Кусаминым, 18 лет, рисунок 3 — тазовским селькупом Лукой Кагалевым, 19 лет, рисунок 4 — тазовским селькупом Оккыр Сай-ира, 23 лет, рисунок 5 — баишенским селькупом Иваном Щадриним. Все молодые люди были учениками Г. Н. Прокофьева в яновстановской школе. Лица троих из них можно видеть среди неопубликованных портретов фотоколлекции. Шаманский сын Савва Агичев изображен на кадре МАЭ И 1177-12 (первый слева), шаманский сын Николай/Лыпа Кусамин — на кадрах МАЭ И 1177-48, 49, шаман Лука Кагалев — на кадрах МАЭ И 1177-6, 54. Однако Лука Кагалев на кадрах фотоколлекции — старик, которому никак нельзя дать 19 лет. Можно предположить, что автором третьего рисунка был какой-то другой Лука Кагалев, тезка этого старика, что, учитывая малочисленность селькупского окружения Г. Н. Прокофьева, маловероятно. Скорее всего, кем-то из Прокофьевых в записях или описаниях одной из коллекций была допущена ошибка или в имени, или в возрасте информанта¹⁰. Тем не менее кадры коллекции МАЭ И 1177 визуализируют нескольких прокофьевских информантов и иллюстрируют одну из самых ярких и важных в научной биографии Е. Д. Прокофьевой статей.

В завершение шаманской темы, представленной в кадрах фотоколлекции МАЭ И 1177, нужно сказать о фото МАЭ И 1177-111, на котором запечатлен амбар, где хранятся изображения духов. Фото подтверждает факт существования у северных селькупов таких же священных амбаров, какие были у южных селькупов. О священных амбарчиках селькупов, как северных, так и южных, Екатерина Дмитриевна писала в статье «К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия)» (1952).

Использование «шаманских» фотографий коллекции МАЭ И 1177 в статьях Екатерины Дмитриевны отражает ее публикационную активность и говорит о значении этих фотографий для изучения Прокофьевой культуры селькупов и других сибирских народов. Фотографии шаманской тематики более других снимков коллекции дают представление о богатстве этнографического материала, который окружал Прокофьевых в Яновом Стане и с которым им повезло работать. Вкупе с другими опубликованными и неопубликованными материалами Г. Н. Прокофьева по шаманству селькупов, «шаманские» фотографии снимают с Георгия Николаевича упомянутое в начале исследования обвинение некоторых его коллег в чрезмерном увлечении лингвистикой, что шло в ущерб вопросам этнографии и шаманства. Сделанные ученым многочисленные «шаманские» кадры доказывают, что вопросы селькупского шаманства интересовали его не меньше, чем языковые проблемы.

¹⁰ Очень хочется верить, что ошибка произошла и с отсутствием в коллекции фотографии Карлушки Иры, что среди ее шаманских фото все-таки есть его портрет, например на безымянном кадре МАЭ И 1177-4.

Большую часть фотоколлекции МАЭ И 1177 составляют фотографии, отображающие селькупский быт и хозяйственные занятия. Что они могут рассказать о Прокофьевых? У Г. Н. Прокофьева нет работ по быту и хозяйству селькупов. Первой статьей Е. Д. Прокофьевой, включающей большой объем сведений по хозяйству северных и южных селькупов, был раздел «Селькупы» в энциклопедии «Народы Сибири» (Прокофьева 1956: 665–687). В книге есть указание, что раздел подготовлен Е. Д. Прокофьевой¹¹ с использованием материалов Г. Н. Прокофьева (Народы Сибири 1956: 8), однако, вероятнее всего, ссылка на материалы Георгия Николаевича относится только к материалам по селькупскому мировоззрению. В том «Народы Сибири» вошли следующие «хозяйственные» фото коллекции: «Кормление прирученного орла» (МАЭ И 1177-110), «Чум и нарты с ларями для перевозки имущества» (МАЭ И 1177-130) и «Первое радио у селькупов. 30-е годы. Школа в пос. Янов Стан, Тазовская тундра» (МАЭ И 1177-92). Кроме этих фотографий, раздел «Селькупы» иллюстрирован несколькими рисунками, сделанными, вероятно, с использованием этой же фотоколлекции. Наверняка можно сказать, что фотоколлекция МАЭ И 1177 помогла Е. Д. Прокофьевой писать текст о быте и хозяйстве селькупов в «Народах Сибири»: на кадрах коллекции запечатлены селькупские чумы и землянки, снаружи и изнутри, зимние и летние, богатые и бедные, амбары, лыжи, нарты, олени, очаги, лодки, а также сами селькупы — с характерными лицами, прическами, в одежде того времени — традиционной и европейской, с кошками, курительными трубками, за хозяйственными занятиями, чаепитием и т.д.

И опять обращает на себя внимание отсутствие в фотоколлекции одной фотографии, опубликованной в томе «Народы Сибири» — удачного, хорошо запоминающегося кадра «Охотник в челноке-ветке». Кадр с охотником в ветке должен быть в фотоколлекции, раз он есть в «Народах Сибири». Эта уже второй раз встречающаяся недостача кадров вновь указывает на некомплектность коллекции МАЭ И 1177, т.е. Г. Н. Прокофьевым было отснято больше кадров, чем впоследствии зарегистрировала Е. Д. Прокофьева.

Думая об освещении темы селькупской материальной культуры в трудах Е. Д. Прокофьевой, автор пришла к выводу, что, по-видимому, лишь эту тему Екатерина Дмитриевна разрабатывала сама, не используя материалы, собранные Георгием Николаевичем. В архиве МАЭ РАН лежит недописанная монография Е. Д. Прокофьевой «Селькупы» или «Очерки этнографии тазовских селькупов», как ее называет Л. В. Хомич (Хомич 2002: 7), посвященная вопросам материальной культуры северных селькупов. В нее входят главы по селькупскому оленеводству, рыболовству, охоте, транспорту, одежде, здравоохранению и т.д. Законченной в монографии можно считать только главу по оленеводству — она была издана отдельной статьей (Прокофьева 1976)¹², у остальных глав разная степень готовности, некоторые не продвинулись дальше подборки материалов. Насколько можно судить по имеющимся текстам, Е. Д. Прокофьева писала монографию, используя свое давнее знакомство с селькупским бытом и свежие материалы, собранные во время поездки в Красноселькупский район в 1962 г., той поездки, в которой ее сопровождал аспирант МАЭ А. С. Решетов.

Следующий тематический кейс коллекции МАЭ И 1177 следует назвать педагогическим. Он отражает педагогическую деятельность Г. Н. Прокофьева в школе Янова Стана и, следовательно, педагогическое направление научной биографии Прокофьевых. В него входят фотографии здания школы в пос. Янов Стан (МАЭ И 1177-86), школьной столярной мастерской (МАЭ И 1177-91), урока рисования (МАЭ И 1177-90), просто урока (МАЭ И 1177-93), экскурсии школьников в ближайший лес (МАЭ И 1177-87, 88), а также фотографии, где школьники заряжают батареи радиоприемника (МАЭ И 1177-89) и молодые люди слушают установленное в школе радио (МАЭ

¹¹ Помимо раздела «Селькупы», для тома «Народы Сибири» Е. Д. Прокофьевой были подготовлены разделы «Ханты и манси» (с участием В. Н. Чернецова и Н. Ф. Прытковой) и «Ненцы» (в основу описания дореволюционного быта положена статья Г. Д. Вербова и Г. Н. Прокофьева) (Народы Сибири 1956: 8).

¹² Л. В. Хомич утверждает, что в виде статей были опубликованы и другие разделы монографии Е. Д. Прокофьевой — по общественным отношениям и религиозным верованиям. Возможно, речь идет о статьях Е. Д. Прокофьевой «К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия)» (1952) и «Некоторые религиозные культы тазовских селькупов» (1977). В папке с монографией, которая хранится в архиве МАЭ РАН, этих разделов нет.

И 1177-47, 92). Большая часть этих фотографий была опубликована в статье Г. Н. Прокофьева «Три года в самоедской школе» (1931), где он подробнейшим образом описывает все проблемы нового для него (и на тот момент для педагогической науки) процесса обучения разновозрастных селькупских детей, никогда не учившихся в школе и в начале школьного курса не знающих ни слова по-русски. Из перечисленных фотографий наиболее ценной представляется фотография здания новой школы Янова Стана, нигде не опубликованная. Это третье здание яновстановской школы в годы пребывания там Прокофьевых, было построено в 1927 г. Комитетом Севера и Туруханским исполкомом благодаря хлопотам Георгия Николаевича. Первая школа находилась в избушке размером 5 × 5,8 м, где ученики занимались, ели и спали. В 1926 г. она была перестроена и расширена до двух комнат и кухни. «Школьные» фотографии дают визуальное представление о месте (и процессе) научного и педагогического подвига Прокофьевых.

В начале исследования говорилось, что в коллекции МАЭ И 1177 есть фотографии, которые помогут пролить свет на отношение Г. Н. Прокофьева к нововведениям, пришедшим в жизнь селькупов вместе с советской властью. Имелись в виду школьные фотографии, групповые фото с заседаний Тазовского тундрового совета (МАЭ И 1177-94–96) и фото председателя Тазовского кооператива (МАЭ И 1177-117). Школа, Тазовский тундровый совет и Тазовский кооператив — это три организации, которые воплощали и осуществляли советскую власть в Тазовской тундре. Принятие Г. Н. Прокофьевым советской власти, вовлечение его в ее деятельность выражается уже в самом факте наличия этих фотографий (не имел бы симпатий — не делал). Помимо этого, Г. Н. Прокофьев запечатлел проводников советских преобразований с явным любованием, гордостью, если не сказать восхищением: все фотографии постановочные, тщательно выбраны ракурсы, композиции, декорации, позы, в каждом фотографируемом лице видно достоинство (а за выражение лица фотографируемых тоже отвечает фотограф). Во взглядах позирующих людей читается доверие к тому, кто их фотографирует. Снимки можно охарактеризовать одним словом — красота. Эти фотографии — полная противоположность «традиционным» дореволюционным фотографиям селькупов, на которых они стоят с вжатой в плечи головой и смотрят исподлобья, источая подавленность и убогость. Как тесно и по-дружески переплеталась работа школы, Тазовского совета и Общества потребителей, Г. Н. Прокофьев рассказывает в вышеназванной статье о школьном бытии.

Еще один блок сведений о Прокофьевых, которые дает коллекция МАЭ И 1177 — «географический». Фотографии отражают маршруты перемещений Г. Н. Прокофьева по району и соответственно географию его научных интересов. Четыре фотографии коллекции посвящены кетам, кетские чумы сфотографированы на берегах Енисея¹³. Несколько фото сделаны в с. Церковенском на р. Таз (МАЭ И 1177-84, 85) — Е. Д. Прокофьева ошиблась, назвав его в описи коллекции Красноселькупском: в 1925–1928 гг. Красноселькупска еще не было, он возник в 1938 г., когда Церковенское было перевезено/переселено на фабрику Нярый Мач, открытую незадолго до этого. На карточках фотографий эта ошибка была Прокофьевой исправлена. Церковенское являлось центром расселения селькупов тымско-караконского рода. Два фото коллекции сделаны на фабрике Кэт-Пар, расположенной в 12 верстах выше Янова Стана (МАЭ И 1177-97, 98), где заведующим был местный житель П. В. Завадовский. Г. Н. Прокофьев несколько раз ездил к нему и расспрашивал о быте остяко-самоедов, о чем оставил записи в своем полевом дневнике, однако фото хозяина фабрики Кэт-Пар он, по-видимому, так и не сделал. Нужно отметить, что кадры с. Церковенского и фабрики Кэт-Пар — редчайшие, возможно, даже единственные фотографии этих уже давно исчезнувших населенных пунктов. Согласно дневниковым записям Г. Н. Прокофьева, в списке намеченных им поездок по району были также пос. Сидоровск в нижнем течении р. Таз и селькупско-эвенкийские стойбища верховьев Таза. Из тех же дневников известно, что в Сидоровске Г. Н. Прокофьев все-таки побывал, а вот до верховьев Таза, похоже, не доехал.

¹³ Фотографии тазовских ненцев и их имущества (МАЭ И 1177-122–130), имеющиеся в фотоколлекции Г. Н. Прокофьева, были сделаны в Яновом Стане, куда ненцы приезжали в магазин кооперативного общества за товарами; на снимках коллекции ненцы запечатлены в чуме за чаепитием, рядом с чумом в зимней верхней одежде, есть отдельные фото ненецких чумов, нарт и оленей.

Фотографий Сидоровска коллекция МАЭ И 1177 не содержит. Разочарованием при изучении прокофьевской фотоколлекции стало также то, что в ней не обнаружилось панорамы самого поселка Янов Стан: шести далеко отстоящих друг от друга черных приземистых домиков «на угоре» р. Турухан, как писал Г. Н. Прокофьев, среди которых выделялось недавно срубленное здание райисполкома. То есть представить себе, как выглядел Янов Стан, можно исходя только из этого словесного описания Г. Н. Прокофьева.

Итак, исследование показало, что коллекция МАЭ И 1177 — важный новый источник в изучении биографии Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых.

Коллекция визуализирует селькупское поле Прокофьевых и дает наглядное представление о месте и условиях, в которых ученые жили и работали в 1925–1928 гг. На фотографиях коллекции запечатлены информанты Прокофьева, шаманы и шаманские атрибуты, шаманские рисунки вселенной, простые селькупы, их традиционный быт и хозяйственные занятия. В материалах коллекции есть несколько фото населенных мест района, которые посещал Прокофьев, снимки окружающей природы, а также кадры с живущими рядом с селькупами народами — кетами и ненцами. Фотографии фиксируют богатство этнографического материала, с которым Прокофьевым повезло работать в Яновом Стане. «Школьные» фотографии коллекции дают представление о педагогическом подвиге Прокофьева. Кадры, освещающие нововведения, которые пришли к селькупам вместе с советской властью, показывают, как выглядела новая власть, и отражают отношение к ней Георгия Николаевича. В целом материалы коллекции характеризуют селькупское поле Прокофьевых¹⁴ и обозначают круг проблем и вопросов, определивший тематику дальнейших исследований ученых. Яновстановские фотоматериалы иллюстрируют изданные работы Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны, что подчеркивает значение этих материалов для изучения культуры селькупов и народов Сибири.

С помощью материалов фотоколлекции МАЭ И 1177 было установлено, что Г. Н. Прокофьев занимался лингвистикой не в ущерб этнографии, как считали некоторые его коллеги: этнография занимала в его работе не менее значимое место, чем изучение языков.

Дополнительные сведения к описанию пройденного Прокофьевыми пути дало рассмотрение обстоятельств жизни Прокофьевых, связанных с историей регистрации коллекции. Было выявлено, какие перспективы научной деятельности открыло перед ними селькупское поле. Анализ даты регистрации фотоколлекции позволил оценить вклад, который внесли в селькуповедение Георгий Николаевич и Екатерина Дмитриевна — вместе и по отдельности, и отследить этапы становления каждого из ученых. Удалось определить, что локомотивом, мозговым центром и генератором идей в их семейном научном тандеме был Георгий Николаевич. Екатерина Дмитриевна во время пребывания в Яновом Стане учила язык, погружалась в культуру и быт селькупов, занималась детьми, заботилась о муже, при этом она не вела дневниковых записей и не сформировала собственного архива этнографических материалов. Ее превращение в ведущего специалиста по этнографии селькупов, произошедшее уже после смерти мужа, было связано с обработкой и изданием этнографических материалов, собранных Георгием Николаевичем. Темой, которую Екатерина Дмитриевна, вне сомнения, разрабатывала без опоры на архивные записи Георгия Николаевича, была материальная культура селькупов. Написать и издать сколько-нибудь заметное количество трудов по этой теме она не успела.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера)
ТИЭ — Труды Института этнографии

¹⁴ С момента написания статьи автор, чьи исследования так или иначе связаны с трудами Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых (см., например: Степанова 2005, 2016, 2018), планирует активно использовать этнографические материалы из фотоколлекции Г. Н. Прокофьева в своей работе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив МАЭ РАН, Ф. 6. Оп. 1. Прокофьев Г. Н., Прокофьева Е. Д. Предисловие. Сост. И. К. Жуковская. Л. 2–6.
- Арзютов Д. В. Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 9. С. 187–214.
- Белич И. В. Вануйто В. Ю. Прокофьев Георгий Николаевич // Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. Тюмень: ТГУ, 2004. С. 333–334.
- Белич И. В. Вануйто В. Ю. Прокофьева Екатерина Дмитриевна // Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. Тюмень: ТГУ, 2004. С. 334.
- Гаген-Торн Н. И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91–110.
- Кисель В. А. Забытый исследователь Тувы // Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. С. 13–27.
- Народы Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1956.
- Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. 1982.
- Прокофьев Г. Н. Три года в самоедской школе // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 143–160.
- Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. Т. 11. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 335–375.
- Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Новая серия. Т. 18. М.; Л.: Наука ЛО, 1952. С. 88–107.
- Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 665–686.
- Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. 20. М.; Л.: АН СССР ЛО, 1961. С. 54–74.
- Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 139–155.
- Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Решетов А. М. Памяти Екатерины Дмитриевны Прокофьевой // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1979. № 11, вып. 3. С. 187–188.
- Степанова О. Б. Материалы по погребальному обряду тазовских селькупов // Радловские чтения. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2005 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 165–169.
- Степанова О. Б. Село Толька и не только // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 16. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 46–66.
- Степанова О. Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 91–100.
- Хомич Л. В. Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов) // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1983. С. 5–14.
- Хомич Л. В. Георгий Николаевич Прокофьев — исследователь языков и этнографии самодийских народов (к столетию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Вып. 8–9. С. 274–277.
- Хомич Л. В. Е. Д. Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Просвещение, 2002.
- Хомич Л. В. Екатерина Дмитриевна Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Курьер Петровской Кунсткамеры. 2004. Вып. 10–11. С. 44–51.

REFERENCES

- Arzyutov D. V. *Etnograf s kinokameroi v rukakh: Prokof'evy i nachalo vizual'noi antropologii samodiitsev* [The Ethnographer(s) with a Cine-Camera in Their Hands: The Prokofievs and the Beginning of the Visual Anthropology of Samoyeds]. *Antropologicheskii forum*, 2016, no. 9, pp. 187–214. (In Russian)
- Belich I. V. Vanuito V. Yu. *Prokof'ev Georgii Nikolaevich* [Prokofiev Georgy Nikolaevich]. *Entsiklopediia Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Encyclopedia of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug]. Vol. 2. Tyumen: TSU, 2004, pp. 333–334. (In Russian)
- Belich I. V. Vanuito V. Yu. *Prokof'eva Yekaterina Dmitrievna* [Prokofieva Ekaterina Dmitrievna]. *Entsiklopediia Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Encyclopedia of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Vol. 2. Tyumen: TSU, 2004, p. 334. (In Russian)

Hagen-Thorn N. I. *Prokof'evy v Ianovom Stane* [The Prokofievs in Yanov Stan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, no. 4, pp. 91–110. (In Russian)

Khomich L. V. Iz istorii sovetskoi etnografii (izuchenie etnografii samodiyskikh narodov) [From the History of Soviet Ethnography (Ethnographic Studies of the Samoyed Peoples)]. *Istoricheskaiia etnografiia: traditsii i sovremennost'.* *Problemy arkheologii i etnografii* [Historical Ethnography: Traditions and Modernity. Problems of Archeology and Ethnography]. Ed. 2. Leningrad: LSU, 1983, pp. 5–14. (In Russian)

Khomich L. V. *Georgii Nikolayevich Prokof'ev — issledovatel' iazykov i etnografii samodiiskikh narodov (k stoletiiu so dnia rozhdeniia)* [Georgii Nikolaevich Prokofiev — Researcher of Languages and Ethnography of the Samoyed Peoples (to the Centenary of his Birth)]. *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery*, 1999, ed. 8–9, pp. 274–277. (In Russian)

Khomich L. V. Prokof'eva — issledovatel' traditsionnoi kul'tury sel'kupov [E. D. Prokofieva, a Researcher of the Traditional Culture of the Selkups]. Khomich L. V., Irikov S. I., Aiupova G. Ye. *Tazovskie sel'kupy. Ocherki traditsionnoi kul'tury* [Taz Selkups. Essays on the Traditional Culture]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002, pp. 3–17. (In Russian)

Khomich L. V. *Ekaterina Dmitrievna Prokof'eva — issledovatel' traditsionnoi kul'tury sel'kupov* [Ekaterina Dmitrievna Prokofieva, a Researcher of the Traditional Culture of the Selkups]. *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery*, 2004, ed. 10–11, pp. 44–51. (In Russian)

Kisel V. A. Zabytyi issledovatel' Tuvy [A Forgotten Explorer of Tuva]. Prokof'eva E. D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev* [The Process of the National Consolidation of Tuvans]. St. Petersburg: Nauka, 2011, pp. 13–27. (In Russian)

Narody Sibiri [The Peoples of Siberia]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1956. (In Russian)

Omelchuk A. *Rytsari Severa* [The Knights of the North]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe Publ., 1982. (In Russian)

Prokof'ev G. N. *Tri goda v samoedskoi shkole* [Three Years in a Samoyed School]. *Sovetskii Sever*, 1931, no. 7–8, pp. 143–160. (In Russian)

Prokof'eva E. D. Kostium sel'kupskogo (ostiako-samoedskogo) shamana [Costume of the Selkup (Ostyako-Samoyed) Shaman]. *Sbornik MAE*, Vol. 11. Moscow-Leningrad: Nauka, 1949, pp. 335–375 (In Russian)

Prokof'eva E. D. *K voprosu o sotsial'noi organizatsii sel'kupov (rod i fratriia)* [To the Question of the Social Organization of the Selkup (Genus and Phratry)]. *TIE. Novaya seriia*, Vol. 18. Moscow-Leningrad: Nauka, 1952, pp. 88–107 (In Russian)

Prokof'eva E. D. Sel'kupy [Selkups]. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1956, pp. 665–686. (In Russian)

Prokof'eva E. D. Predstavleniia sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvareliam sel'kupov) [Selkup Shamans' Ideas of the World (According to Drawings and Watercolors by the Selkup)]. *Sbornik MAE*, Vol. 20. Moscow-Leningrad: Nauka, 1961, pp. 54–74 (In Russian)

Prokof'eva E. D. Olenevodstvo tazovskikh sel'kupov [Reindeer Breeding of the Taz Selkups]. *Material'naia kul'tura narodov Sibiri i Severa* [Material Culture of the Peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 139–155. (In Russian)

Prokof'eva E. D. *Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov* [Some Religious Cults of the Taz Selkup]. *Sbornik MAE*, Vol. 33. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 66–79 (In Russian)

Reshetov A. M. Pamiati Ekateriny Dmitrievny Prokof'evoi [In Memory of Ekaterina Dmitrievna Prokof'eva]. *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia AN SSSR. Seriia obshchestvennykh nauk*, 1979, no. 11, ed. 3, pp. 187–188. (In Russian)

Stepanova O. B. Materialy po pogrebal'nomu obriadu tazovskikh sel'kupov [Materials on the Funeral Rite of the Taz Selkups]. *Radlovskie chteniia* [Radlov's Readings], 2005. St. Petersburg: MAE RAN, 2005, pp. 165–169. (In Russian)

Stepanova O. B. *Selo Tol'ka i ne tol'ko* [The Village of Tolka and Beyond]. Materialy polevykh issledovaniia MAE RAN [Materials of the Field Research of the MAE RAS]. Ed. 16. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, pp. 46–66. (In Russian)

Stepanova O. B. Krasnye sel'kupy: revoliutsionnye preobrazovaniia sredi naseleniia Taza i Turukhana [The Red Selkups: Revolutionary Transformations among the Populations of Taz and Turukhan]. *Ural Historical Journal*, 2018, no. 1, pp. 91–100. (In Russian)

Submitted: 15.02.2021

Accepted: 13.04.2021

Published: 01.07.2021